

№ 5–6. Май–Іюнь. 1914.

ЖИЗНЬ ДЛЯ ВСѢХЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

Цѣна книжки въ книжн. маг. 25 к.; на станц. жел. дор. 35 к.

Пятый годъ изданія

Подписка принимается: Петербургъ, Жуковская, 22 и во всѣхъ почт.-тел. учрежд.

Типографія не успѣла къ выходу этой книжки журнала закончить печатаніе сборника „Петербургъ и его жизнь“. Этотъ сборникъ будетъ разосланъ при слѣдующемъ (іюльскомъ) номерѣ журнала.

по магазину, говорили, спорили, неистово дымили трубками, сплевывая на всѣ стороны. На широкомъ длинномъ прилавкѣ была навалена пушнина: песцы, лисицы, россомахи, горностаи, колонки, бѣлки.

Самъ Живоглотовъ стоялъ за конторкой съ толстой книгой, морщилъ лобъ, шевелилъ бровями и быстро перебиралъ косточки счетовъ длинными крючковатыми, какъ у хищной птицы, пальцами. Усталый приказчикъ лазилъ по полкамъ, доставалъ требуемые товары и подавалъ покупателямъ. Съ перваго раза покупатель браковалъ товаръ, но приказчикъ зналъ дѣло, онъ клалъ товаръ обратно, показывалъ что-нибудь не подходящее и въ концѣ концовъ подавалъ тотъ же товаръ, развертывалъ, нахваливалъ и непремѣнно всучалъ его покупателю.

— За тобой оставалось 172 р. 36 к.—велъ расчетъ Живоглотовъ съ тунгусомъ; пушнины сдалъ ты на 137 р., товару отпущено тебѣ... На сколько Петру Иванычу?—обращался онъ къ приказчику. Тотъ бралъ книжку, морщилъ лобъ, шевелилъ губами и изрекалъ: На 162 р. 81 к.—Ну, вотъ—на 160 р., два рубля 81 к. скащиваю,—да старыхъ 172 р., итого 332 р., долой 137 р., остается за тобой 195 р.—преподносилъ онъ ошеломленному тунгусу.

Такъ одинъ за другимъ подсчитывались и расчитывались тунгусы. Не на одну тысячу сдано было пушнины, но мало кому удалось, не говоря ужъ скостить весь, а хотя бы уменьшить долгъ.

На утро «освободившіеся» отъ пушнины, но не пополнившіе пустыхъ кошельковъ, тунгусы обращали оставшихся оленей черезъ посредство мѣстныхъ и пріѣзжихъ крестьянъ въ деньги, а эти послѣднія въ водку, и оставались кошельки ихъ по прежнему пустыми.

Еще день - два гуляютъ «окончательно свободные» тунгусы въ гостепріимномъ селеніи, пьютъ водку, шляются пьяные по станку, заходя во всякій домъ, куда подскажетъ пьяная фантазія: гдѣ получатъ угощеніе, гдѣ сами угостятъ...

Тускло свѣтитъ низкое ноябрское солнце, его косые холодные лучи съ трудомъ пробиваютъ плотную атмосферу, и нѣтъ отъ него поэтому ослѣпительнаго лѣтняго блеска, а виситъ оно надъ лѣсомъ какъ тусклый нечищенный тазъ красной мѣди. По рѣкѣ движется извилистая черная лента. Это совершившіе торгъ тунгусы возвращаются въ свои далекія тундры. Ѣдутъ молчаливые, которые грустные, которые злые—смотря по темпераменту,—но всѣ съ одинаковой головной болью. Олени бѣгутъ тихо; трое сутокъ голодали, да и кладь не та; вмѣсто легкой пушнины—мѣшки съ мукой, котлы, топоры, мануфактура.

Далеко до тундры, пройдетъ головная боль, забудутся обиды и будутъ снова ея дѣти копить богатства до слѣдующаго выѣзда къ русскимъ.

П. Шумиловъ.

НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

Тема статьи обязываетъ насъ установить, прежде всего, что́, собственно, разумѣемъ мы подъ словомъ «интеллигенція», и гдѣ проходитъ граница, отдѣляющая ее отъ смежныхъ общественныхъ группъ? Задача тѣмъ болѣе необходимая, что въ разговорномъ языкѣ въ это слово вкладывается слишкомъ расплывчатое, неопредѣленное содержаніе, явно непригодное для сколько-нибудь твердыхъ построеній. Такъ напримѣръ, понятія «интеллигентъ» и «образованный человѣкъ» нерѣдко считаются совершенно покрывающими другъ друга; иные идутъ еще дальше и останавливаются при выборѣ отличительныхъ признаковъ на чертахъ и случайныхъ, и незначительныхъ, въ родѣ скажемъ, характера домашняго обихода, разговорнаго языка, одежды и т. п. Совершенно ясно, что эти опредѣленія охватываютъ слишкомъ пестрый кругъ общественныхъ элементовъ, между которыми не можетъ быть сколько-нибудь существенныхъ связующихъ скрѣпъ; слишкомъ ясно, такимъ путемъ подъ флагомъ „интеллигентности" въ составъ интеллигенціи могутъ проникнуть представители совершенно чуждыхъ ей общественныхъ слоевъ. Все это опредѣленно требуетъ точнаго установленія смысла, который мы вкладываемъ въ слово «интеллигентъ», „интеллигенція".

На нашъ взглядъ, всякій интеллигентъ необходимо долженъ удовлетворять слѣдующимъ двумъ требованіямъ: во-первыхъ, онъ долженъ имѣть стремленіе къ знанію; во-вторыхъ, онъ долженъ стремиться нести свои знанія на пользу народу. Вотъ

черты, опредѣляющія собой суть духовнаго облика интеллигенціи, вотъ цензъ, которымъ долженъ обладать каждый, имѣющій претензію на принадлежность къ ней. Конечно, эти стремленія могутъ и найти себѣ удовлетвореніе, могутъ и остаться неудовлетворенными, что имѣетъ весьма серьезное значеніе: въ первомъ случаѣ интеллигентъ пріобрѣтаетъ душевное здоровье, бодрость, уравновѣшенность; вовторомъ—вырабатываетъ въ себѣ свойства патологическаго, болѣзненнаго происхожденія. Однако, не эти обстоятельства являются мѣриломъ для опредѣленія принадлежности къ интеллигенціи даннаго лица, а лишь вопросъ, обладаетъ ли это лицо только что упомянутыми стремленіями, или нѣтъ? Дѣло въ томъ, что такія стремленія, по условіямъ русской жизни, могутъ встрѣтить препятствія чисто-внѣшняго, — напримѣръ, административнаго,— характера; слѣдовательно, выводить отсюда какія-либо *заключенія о нравственномъ* складѣ того или иного человѣка представляется совершенно невозможнымъ.

Мы отнюдь не отказываемся сдѣлать изъ данной нами формулы всѣ логическіе выводы, сколь бы рѣзки и неожиданны не были они. Такъ напримѣръ, мы сами подчеркиваемъ, что эта формула оставляетъ профессора, служащаго интересамъ буржуазіи, внѣ интеллигенціи, и въ то же время можетъ включить въ нее, скажемъ, *полуграмотнаго рабочаго* съ извѣстной духовной закваской. Скажемъ болѣе,—именно въ этой чертѣ мы и видимъ наибольшую цѣнность предлагаемаго нами опредѣленія. И это—совсѣмъ не парадоксъ. Сравните указанныхъ лицъ съ какимъ-либо безспорнымъ интеллигентомъ, напр., В. Г. Короленкой; несомнѣнно, что у него окажется гораздо болѣе точекъ совпаденія съ рабочимъ описаннаго типа, чѣмъ съ упомянутымъ профессоромъ. У обоихъ нихъ,— и у Короленки, и у такого рабочаго,— преобладающей мыслью, опредѣляющей уклонъ всей ихъ сознательной жизни, является мысль о судьбѣ народа, забота о его положеніи. Это-то и является, такъ сказать, сердцевиной ихъ обоихъ, это-то и дѣлаетъ ихъ, столь различныхъ въ иныхъ отношеніяхъ, истинными братьями по духу.

Не будемъ далѣе останавливаться на обосновaніи предложенной нами формулы. Вѣдь, то же самое, хоть и выраженное другими словами, уже неоднократно всказывалось на страницахъ русской печати. Укажемъ только, что Николай Константиновичъ Михайловскій, любовно разрабатывавшій эту тему, весьма опредѣленно защищалъ точку зрѣнія, съ которою наша почти совершенно совпадаетъ (см. напр. его прекрасную статью объ Ив. Аксаковѣ).

* * *

Установивши все это, подойдемъ къ интересующему насъ вопросу вплотную, и попробуемъ испытать на данномъ нами пробномъ камнѣ тѣ слои населенія, которые обычно принято зачислять въ составъ интеллигенціи. Впрочемъ, сберегая мѣсто, подвергнемъ такого рода изслѣдованію лишь одну часть ихъ, но зато наиболѣе чуткую и ярко-окрашенную, а именно студенчество, этотъ «барометръ» настроеній интеллигенціи.

Стремится ли студенчество къ знанію, или нѣтъ?—вотъ первый основной вопросъ, на который необходимо отвѣтить. Основываясь на своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, на различныхъ газетныхъ извѣстіяхъ, статьяхъ самихъ студентовъ, касавшихся этой темы, а также и на данныхъ студенческихъ анкетъ, мы, не колеблясь, можемъ сказать: нѣтъ, не стремится (говоримъ, конечно, о массовомъ настроеніи студенчества, а не объ отдѣльныхъ личностяхъ).

Второй вопросъ: наблюдается ли среди студенчества мысль о необходимости нести свои знанія на пользу народу? Съ еще бóльшей увѣренностью отвѣчаемъ: нѣтъ, не наблюдается, поскольку рѣчь идетъ о студенчествѣ въ цѣломъ. О руководящемъ же значеніи этой мысли для выработки плана личной жизни совершенно не приходится говорить.

Итакъ, тѣ слои населенія, которые преимущественно выдѣляли изъ своей среды интелигенцію, въ настоящее время ее не выдѣляютъ, или, точнѣе, выдѣляютъ въ гораздо меньшемъ количествѣ. Поэтому приходится думать даже о томъ, быть или не быть интеллигенціи въ Россіи? Но, конечно,—быть.

* * *

Обращаясь къ историческому развитію русской интеллигенціи, разсматривая всю

ея, возникавшую въ теченіе многихъ лѣтъ толщу, какъ бы въ поперечномъ разрѣзѣ, мы видимъ, что она отнюдь не односоставна. Наоборотъ, она представляетъ собою сумму цѣлаго ряда напластованій, процессъ наростанія которыхъ во многихъ отношеніяхъ сходенъ съ процессами геологическими. Не забираясь особенно далеко въ прошлое, начнемъ, хотя бы, съ тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Какой общественный классъ вырабатывалъ въ это время интеллигенцію? Безспорно, классъ дворянскій. Въ подтвержденіе своихъ словъ сошлемся, хотя бы, на декабристовъ. Это были одни изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своей эпохи; это были, далѣе, искренніе народолюбцы, добивавшіеся, явно нарушая интересы своего матеріальнаго благосостоянія, такихъ, напримѣръ, преобразованій, какъ освобожденіе крестьянъ; добиваться же этого приходилось въ виду эшафотовъ. Такимъ образомъ, мы не можемъ не отнести декабристовъ къ числу интеллигенціи. Кто же входилъ въ ихъ составъ? Имена этихъ лицъ извѣстны: князь Трубецкой, князь Волконскій, князь Одоевскій и т. д. и т. д. Короче говоря, все это былъ дворянинъ, и при томъ, иногда, дворянинъ крупный, родовитый. Значить, въ эту пору дворянство давало тотъ матеріалъ, изъ котораго формировалась интеллигенція.

Однако, и тогда уже въ ея составѣ появляются люди иныхъ сословій, оказывая на нее весьма замѣтное вліяніе: таковъ былъ, напримѣръ, сынъ купца—Полевой; таковъ былъ сынъ лѣкаря—Бѣлинскій; таковъ былъ сынъ прасола—Кольцовъ. Притокъ лицъ изъ этихъ слоевъ населенія постепенно усиливается и въ эпоху шестидесятыхъ годовъ совершенно пропитываетъ собою всю интеллигенцію. Кто сосредоточиваетъ на себя вниманіе въ ея тогдашней средѣ?—Семинаристъ Чернышевскій, семинаристъ Добролюбовъ, семинаристъ Антоновичъ, семинаристъ Зайцевъ, семинаристъ Н. Успенскій, семинаристъ Помяловскій, и проч. Съ другой стороны, параллельно росту этого процесса, количество интеллигенціи, выдѣляемой дворянской средой, неуклонно падаетъ.

Центръ тяжести, очевидно, перемѣстился на средніе слои населенія.

Интеллигенція стараго уклада, дворянскаго корня, встрѣтила новыхъ пришлецовъ далеко не дружелюбно. Ей, воспитанной на основѣ совершенно иныхъ традицій, въ дѣятельности пришедшихъ на смѣну людей грезился вандализмъ, отрицаніе культуры и т. п. Дѣйствительность, однако, скоро разсѣяла всѣ эти опасенія. Правда, новое поколѣніе интеллигенціи было нѣсколько грубовато и излишне прямолинейно, но оно было зато гораздо болѣе дѣловито и работоспособно; оно оздоровило интеллигенцію, вливъ въ нее свѣжіе жизненнные соки, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставило дѣло развитія русскаго народа на болѣе твердый грунтъ. И въ томъ, и въ другомъ приняли участіе и сказали свое слово люди, вышедшіе, какъ напр., Рѣшетниковъ изъ самыхъ глубинъ населенія; заносимъ на наши страницы и этотъ фактъ.

Всѣ выше намѣченные процессы продолжали отчетливо расти и развиваться, пока, наконецъ, не наступилъ 1905 годъ, начавшій исторію современной Россіи съ красной строки. Когда же утихъ хаосъ стремительныхъ событій и явственнѣй обрисовались очертанія произошедшихъ общественныхъ перемѣнъ, положеніе вещей представилось въ слѣдующемъ видѣ: количество интеллигенціи, выходящей изъ дворянскихъ круговъ, упало почти до абсолютнаго нуля; молодое поколѣніе среднихъ общественныхъ слоевъ, какъ мы уже показали, утратило въ своемъ обликѣ основныя интеллигентскія черты и потому за интеллигенцію признано быть не можетъ; среди старшаго поколѣнія возникли и быстро, съ безудержной силой, развились настроенія, приведшія его къ весьма ощутительному духовному развалу. Тогда явились «Вѣхи» и явно-пристрастно, хотя во многихъ отношеніяхъ и до боли справедливо, констатировали этотъ фактъ. Но они упустили изъ вида два обстоятельства чрезвычайнаго значенія: во-первыхъ то, что общественныя группы, которыя онѣ осудили подъ именемъ интеллигенціи, въ это время интеллигенціей уже не были; во-вторыхъ то, что честь выдѣленія изъ своей среды интеллигенціи никогда не была закрѣплена за какимъ-либо классомъ, а постепенно переходила отъ одного къ другому, неуклонно приближаясь къ демократическимъ слоямъ населенія. И если въ данной общественной группѣ струя интеллигенціи начинаетъ изсякать, то это еще не значитъ, что Россія очутилась въ безвыходномъ пунктѣ. Это значитъ только,

что настала пора передать изъ однѣхъ рукъ въ другія «.....незнавшее побѣдъ, Но незапятнанное знамя!»

Это знамя отъ дворянской интеллигенціи перешло къ интеллигенціи среднихъ слоевъ и, надо думать, будетъ скоро отдано этою послѣднею въ руки явившейся ей на смѣну интеллигенціи трудовой, т. е. крестьянской и рабочей. На нашихъ глазахъ совершается процессъ ея роста и формированія, процессъ широкій и многозначительный; удѣлимъ же ему хоть нѣсколько минутъ нашего вниманія.

* * *

Русско-японская война, манифестъ 17-го октября, событія революціонной эпохи,— все это всколыхнуло деревню, поставило передъ нею рядъ неотложныхъ вопросовъ и создало, такимъ образомъ, громадный лихорадочный спросъ на идеологическія цѣнности. Конечно, размахъ этого умственнаго подъема скоро сократился, но отдѣльныя, наиболѣе устойчивыя личности, и послѣ этого сохранили въ себѣ пробудившуюся жажду знанія и стремленіе улучшить жизнь трудящихся классовъ. Эти-то личности и являются тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго вырабатываются кадры народной интеллигенціи. Бѣгло очерчивая ея размѣры и характеръ, остановимся прежде всего на мелкихъ національныхъ движеніяхъ.

Быть можетъ, далеко не всѣ читатели знаютъ, что такое движеніе существуетъ напримѣръ, даже у якутовъ, черемисовъ, чувашъ, киргизовъ, калмыковъ, бурятъ, осетинъ и у многихъ иныхъ племенъ, населяющихъ Россію.

У всѣхъ ихъ есть своя художественная литература, печатаются популярныя книги и газеты, разговорный языкъ возводится въ степень языка литературнаго. А между тѣмъ, у этихъ племенъ почти совершенно отсутствуютъ какъ состоятельные имущественные классы вообще, такъ и состоятельная интеллигенція въ частности. Во всякомъ случаѣ, не она представляетъ главный оплотъ указаныхъ движеній, а лица, не порвавшія связи съ народомъ, не ушедшія изъ его среды, не стыдящіяся народнаго языка. Короче говоря, эти національныя движенія—результатъ творчества народной интеллигенціи, народившейся послѣ 1905 года; именно въ это время началось, или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣло особенную широту, возрожденіе всѣхъ только что названныхъ народностей, а также и многихъ иныхъ.

Глубоко-демократическимъ является и бѣлорусское движеніе. Созданная имъ литература не только идетъ почти исключительно въ народъ, но и въ значительной степени является продуктомъ дѣятельности самого народа, или, точнѣе, возникшей въ его нѣдрахъ интеллигенціи. Такого же склада интеллигенція играетъ выдающуюся роль и въ литовскомъ, и въ украинскомъ національномъ возрожденіи. Она же сгруппировалась вокругъ польской газеты Zaranie, являющейся органомъ прогрессивной деревенской молодежи.

Однако и въ Великоруссіи элементы этой нарождающейся интеллигенціи уже имѣются на лицо. Объ ея возникновеніи свидѣтельствуютъ, напримѣръ, петербургскіе рабочіе клубы и просвѣтительныя общества; рабочая печать, обслуживаемая въ значительной степени самими рабочими; успѣхъ популярныхъ журналовъ, громадный тиражъ газетъ-копѣекъ; нарожденіе народныхъ театровъ и масса всякихъ иныхъ фактовъ, учесть значеніе которыхъ невозможно, и даже простое перечисленіе затруднительно.

Укажемъ еще только на успѣхи кооперативнаго движенія, охватывающаго, какъ установилъ С. Прокоповичъ, около девяти милліоновъ человѣкъ. Мы, конечно, и въ мысляхъ не имѣемъ занести всю эту подавляющую воображеніе цифру цѣликомъ въ подводимые нами итоги русской интеллигенціи. Но несомнѣнно, вѣдь, что участіе въ кооперативѣ требуетъ сравнительно высокаго уровня сознательности и интереса къ общественнымъ дѣламъ. У отдѣльныхъ личностей эти черты могутъ дойти до большой степени развитія, вдвигая тѣмъ самымъ ихъ въ ряды нарождающейся трудовой интеллигенціи. Для этой послѣдней кооперація является чѣмъ то въ родѣ громаднаго всероссійскаго питомника, чего отнюдь не слѣдуетъ забывать.

Но довольно фактовъ. Заканчиваемъ отдѣлъ и переходимъ къ заключительнымъ словамъ.

* * *

Заслуги предыдущихъ поколѣній русской интеллигенціи велики и безспорны. Однако, слѣдуетъ признать, что стремленіе нести свои знанія на пользу народу было осуществленно ею далеко не въ той степени, которой домогалось ея нравственное сознаніе. Административныя ли мѣры, оторванность ли отъ народа, недостатокъ ли силы воли создали это обстоятельство,— мы сейчасъ не беремся рѣшать. Намъ нужно лишь установить, что оно существовало и вызвало рядъ патологическихъ чертъ какъ въ самой интеллигенціи, такъ и въ народѣ.

Новый слой интеллигенціи, отлагающійся на нашихъ глазахъ, имѣетъ совершенно иную окраску. Онъ состоитъ изъ элементовъ, правда, менѣе сложныхъ и менѣе культурныхъ, но зато болѣе дѣльныхъ, болѣе здоровыхъ и работоспособныхъ. Ибо трудовая интеллигенція, возникнувъ въ нѣдрахъ народа, не отрывается отъ него: это тотъ же народъ, только болѣе высокій и умственно, и морально. Она знаетъ народъ, знаетъ его психологію, его нужды; и народъ знаетъ ее; знаетъ—и вѣритъ ей. Все это ставитъ дѣло русскаго прогресса на новыя рельсы.

Каждый, интересующійся судьбами Россіи, долженъ по достоинству оцѣнить этотъ фактъ, констатированіе котораго и составляетъ предметъ нашей статьи.

М. Богдановичъ.

ЗАБЫТАЯ МОГИЛА.

И забытый и безродный
Одинэко буду тлѣть
Подъ сосной, въ землѣ холодной...
Меня некому жалѣть.
(Изъ стих. Псальмова).

Среди лѣсовъ Смоленской губерніи, въ предѣлахъ Николо-Ветлицкой волости, Бѣльскаго уѣзда, расположено глухое село Васильевское. Вокругъ села, на растояніи 5—7 верстъ, разбросано десятка полтора деревень, — это приходъ, исключительно крестьянскій, такъ какъ ни одной помѣщичьей усадьбы во всемъ приходѣ нѣтъ; и единственными интеллигентами всего района являются—духовенство и учитель церковно-приходской школы, находящейся въ самомъ селѣ.

На кладбищѣ, по близости церкви, среди убогихъ деревянныхъ крестовъ, ютится забытая могила неизвѣстнаго пѣвца народнаго горя, поэта-крестьянина Гервасія Ефремовича Псальмова, уроженца этого прихода, умершаго 2 октября 1900 г. бѣднымъ, измученнымъ въ борьбѣ съ жизнью и страданіями, съ плохой надеждой на лучшее будущее. Родился онъ и выросъ въ этой родной глуши, и почти вся жизнь его протекла среди родныхъ полей. Здѣсь, въ минуты досуга, глухою ночью, слагалъ онъ свои задушевныя пѣсни горя и нужды, въ которыхъ видна высоко-благородная и отзывчивая душа поэта. Это былъ настоящій поэтъ-самородокъ, съ недюжинными способностями, выдающимся умомъ и кристальною душею. Онъ любилъ всякій трудъ, особенно трудъ земледѣльца; въ его рукахъ кипѣла работа, за какую бы онъ ни взялся. Вотъ что сказано о немъ въ «Краткой географіи Смоленской губерніи»: «Изъ уроженцевъ села Васильевскаго замѣчателенъ крестьянинъ Гервасій Ефремовичъ Псальмовъ, бывшій 17 лѣтъ учителемъ. Это выдающійся самоучка-педагогъ, поэтъ, живописецъ, рѣзчикъ, столяръ, маляръ, позолотчикъ, чертежникъ, кровельщикъ, пѣвецъ и регентъ хора. По развитію и знаніямъ стоялъ выше окончившихъ курсъ средней школы и пользовался дружбою Рачинскаго. По смерти его въ 1902 г., его стихи изданы редакціей «Сѣверо-Западнаго Слова» въ Вильнѣ».

Его можно смѣло назвать народнымъ поэтомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Но народъ, тотъ народъ, къ которому онъ принадлежалъ и съ которымъ жилъ, не знаетъ его, какъ поэта, слабо помнитъ, какъ человѣка; только у бывшихъ его учениковъ сохранились о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія; но и эти воспоминанія скоро заглохнутъ, какъ глохнетъ у насъ часто все лучшее изъ народа въ водоворотѣ «холоднаго свѣта». И подростающее молодое поколѣніе не знаетъ своихъ лучшихъ людей и поэтому, не видя хорошей стороны жизни и благородныхъ цѣлей, погружается въ свой тяжелый трудъ и разгулъ, часто безъ пробеска хоть чего-нибудь разумнаго. Обидно становится за тотъ придавленный народъ, который еще не умѣетъ видѣть свою гордость—своихъ родныхъ поэтовъ и не умѣетъ находить въ нихъ то высокое, предъ чѣмъ